

Толстой в трудах

Галины Яковлевны Галаган

Профессиональный путь Галины Яковлевны Галаган – в исследовании творчества Толстого – предстаёт удивительно последовательным и цельным. Заниматься Толстым она начала в семинаре Бориса Ивановича Бурсова в Ленинградском университете, в котором училась в 1953–1958 годах, дипломную работу писала по «Воскресению». Поэтому таким желанным был для неё проект – работа над рукописями «Воскресения» для академического 100-томного издания Толстого, который был ею начат и который я, сначала под её руководством, а позднее и самостоятельно продолжала. Галина Яковлевна в работе над «Воскресением» возвращалась к тому, с чего начинала.

Её кандидатская диссертация «У истоков творчества Л. Толстого», защищённая в 1969 году в Пушкинском Доме, была посвящена ранним толстовским дневникам¹. Научным руководителем кандидатской был Борис Иванович Бурсов, оппонентами – Елизавета Николаевна Купреянова и Лидия Дмитриевна Опульская. В научной судьбе Галаган они остались «вечными спутниками». Докторскую диссертацию «Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания» Галаган защитила в ИРЛИ в 1984 году². В её основу легла монография под тем же названием, вышедшая в 1981 году³, и ряд других работ, в том числе и две большие статьи в 3-м и 4-м томах «Истории русской литературы», изданной Пушкинским Домом⁴.

Стоит напомнить, что начало 1980-х – время, когда толстовские богословские трактаты ещё не были изданы в СССР (помимо 90-томника). Как в статьях Галаган, так и в её монографии значительное внимание уделено именно религиозно-философской публицистике

Толстого. Здесь рассматриваются и цитируются – «Исследование догматического богословия» (1879–1884), «Соединение и перевод четырёх Евангелий» (1880–1881), «В чём моя вера?» (1882–1884), «О жизни» (1886–1887), «Царство божие внутри Вас» (1890–1893), «Религия и нравственность» (1893), «Христианское учение» (1894–1896) и, кроме того, социальная публицистика Толстого 1890-х годов, статьи о переписи в Москве, о голоде и другие⁵. Основополагающими и в статьях в «Истории русской литературы», и в монографии стали следующие положения: «От начала и до конца путь Толстого – человека и писателя – последователен даже в своей непоследовательности»; «Мир идей Толстого подвижен»⁶. «Истина в движенье – только» (47, 201) – эту толстовскую максиму (дневник, 4 января 1857 года) Галаган приводит в качестве опорной для понимания подвижного мира его идей⁷. И продолжает её несколькими записями последующих лет – вплоть до мысли в трактате «Царство Божие внутри вас»: «Исполнение учения – в движении от себя к Богу» (28, 79). Логика развития подвижной толстовской мысли, как философско-теоретической, так и художественной, и была главным предметом исследования Галины Яковлевны. Движение толстовских идей, сложный путь их постоянного «уяснения» она прослеживает на всех этапах, от самых ранних и до поздних. Это касается кардинальных толстовских идей, оформившихся в ранних дневниках, – идеи совершенствования, блага личного и блага общего, представлений о пороке и добродетели, об антинормизме чувственно-телесного и духовного начал, о свободе и необходимости, разделении и единении людей и целого ряда других, столь же существенных.

У всех работ Галаган очень прочная источниковедческая база. Толстовские тексты она знала прекрасно, в том числе и в ранних редакциях, в которых Толстой склонен к теоретизированию почти в такой же степени, как в дневниках.

У Галины Яковлевны были любимые темы и любимые произведения, были заветные желания, не все, к сожалению, осуществившиеся. Одним из самых дорогих для неё текстов была толстовская «Исповедь». Как ранние дневники находились «у истоков» творчества Толстого, так «Исповедь» – у истоков толстовской философской публицистики. В ней, кроме того, Галаган видела «развёрнутый автокомментарий» к «Анне Карениной»⁸, об этом её статья «Путь Толстого к “Исповеди”»⁹.

В 1991 году «Исповедь» и «В чём моя вера?» были изданы под одной обложкой с предисловием Александра Владимировича Меня «“Богословие” Льва Толстого и христианство» и послесловием Александра Михайловича Панченко «Несколько страниц из истории русской души», тексты и комментарии готовила Галаган¹⁰. Одной из её поздних больших работ было участие, совместно с Андреем Донсковым и Лидией Дмитриевной Громовой-Опульской, в проекте «Единение людей в творчестве Л. Н. Толстого». Для этого издания ей была написана статья «Л. Н. Толстой: Философско-исторические основы единения людей»¹¹.

Однако, повторю, главным желанием Галины Яковлевны оставалось возвращение к толстовским дневникам.

Здесь следует сделать отступление. Галаган занималась далеко не только творчеством Толстого. Придя в Пушкинский Дом в 1958 году после университета¹², она несколько лет состояла сотрудником группы библиографии, в середине 60-х – Тургеневской группы, участвуя в подготовке нескольких томов писем Тургенева для академического Полного собрания сочинений в 28 томах (тома 9–13), позднее много лет, с 1967 по 1995 год, трудилась в группе Достоевского, именно тогда, когда издавалось Полное собрание сочинений в 30 томах. Для этого издания ей был подготовлен роман «Подросток» (текст и примечания) и ряд статей в «Дневнике писателя». Она, кроме того, автор нескольких значительных работ о Достоевском в сериальных сборниках Пушкинского Дома «Достоевский: Материалы и исследования»¹³, в 1992–2005 годах входила в редколлегию этого издания, участвовала в подготовке «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (Т. 3; СПб., 1995). С 1988 и до смерти (28 апреля 2014 года) была заместителем главного редактора журнала «Русская литература».

Галина Яковлевна мало говорила о себе и своей работе. Она вообще была человеком сдержанным, непарадным¹⁴. Многообразные научные задачи, особенно работа в журнале «Русская литература» в последние годы, не позволяли ей целиком посвятить себя Толстому. И вот об этом она говорила часто.

В предисловии к не так давно изданным лекциям Владимира Вениаминовича Бибихина о толстовских дневниках Ольга Александровна Седакова признала: «...Толстой не был по существу понят, <...> его мысль не была прочтена <...>, достойного комментария к его мысли ещё не появилось»¹⁵. Разумеется, это не совсем так.

Ранним толстовским дневникам – повторю – посвящена кандидатская диссертация Галаган и значительная часть её монографии. В дневниках, собственно, и оформлялась толстовская философия – в её категориальной сложности, в её подвижности, в сложном синтезе этики, онтологии (жизнепонимания), теории познания и теологии. Задачей, которую Галаган решала в кандидатской, было воссоздание идейного контекста эпохи для идей молодого Толстого. Прежде всего ею рассматривались социально-этические воззрения петрашевцев, а также Герцен и Чернышевский – с их дневниковым опытом. Предметом исследования стало и ближайшее окружение молодого Толстого в Казанском университете и Москве (эти изыскания проводились по преимуществу на основе архивных материалов), наконец, и круг чтения писателя – Жан де Лабрюйер («Характеры»), Генрих Цшокке («Часы благоговения»), Бенджамин Франклин. В монографии их дополнили Рене Декарт, Жан Жак Руссо (главным образом, «Эмиль», и особенно «Исповедание веры Савойского викария»), Жак-Анри Бернард де Сен-Пьер («Поль и Виргиния»), Лоренс Стерн («Сентиментальные путешествия»), Платон («Диалоги»).

Разумеется, в фокусе внимания автора оставались теория и практика толстовского самонаблюдения, самопознания и «самосозидания», как её определила Галаган, отмечая внимание Толстого к самому процессу мысли. Исследовалась и поэтика дневниковой записи, в которой *день* становится не только структурной единицей, важной для первых художественных опытов Толстого (что Галаган отмечает вслед за Б. М. Эйхенбаумом), но и категорией психологической и ценностно-этической (ценность прожитого дня). «С лета 1851 года, – пишет Галаган, – в дневнике сказывается уже не только духовный, но и художественный опыт, обрётённый Толстым в работе над первыми художественными замыслами. Новизна и обилие материала, отличного от того, который он излагал в дневнике до сих пор, составляет его параллельно с дневником вести особую тетрадь записей. Основное в ней – неожиданное сосредоточение на данном моменте; попытки разложить на мельчайшие элементы акт непосредственного созерцания и переживания. День, как нравственно-психологический комплекс, разбивается на отдельные моменты, заключающие в себе духовный и эмоциональный заряд. Сами эти моменты в свою очередь многослойны и динамичны. Это и рождает проблему описания»¹⁶. Помимо философских отрывков и набросков («Отрывок без заглавия», «О цели философии»), объект исследования Галаган –

и первые художественные опыты Толстого, начиная с «Истории вчерашнего дня» (1851). Она последовательно демонстрирует механику сопряжения его этики и эстетики.

Определяя специфику толстовской мысли, Бибихин в своих свободных интерпретациях выделяет прежде всего её *странность*, *неожиданность*, «выпадение из метрики» (то есть несоответствие каким бы то ни было нормам и нормативам), определяет её как *весть*, как *откровение*¹⁷, имея в виду не только смыслы, но и преображающую, заражающую силу и власть толстовского слова («речь как луч»¹⁸).

Когда читаешь (и перечитываешь) работы Галины Яковлевны Галаган, становится очевидным, насколько она чувствовала, сознавала и умела передать *власть* толстовской мысли и слова. Толстовская цитата (речь как луч), включаясь в собственный нарратив филолога, его особым образом перенастраивает, требуя тоже – сильного, энергичного и вместе с тем предельно строгого слова.

В собственном словесном почерке Галаган есть и требовательность, и строгость, есть энергия и своего рода власть.

В памяти сотрудников Пушкинского Дома Галина Яковлевна осталась легендарной фигурой. Она была человеком высокой принципиальности. Абсолютный характер толстовских категорий добра и зла ей был понятен и близок.

¹ Галаган Г. Я. У истоков творчества Л. Толстого. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969.

² Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой: Художественно-этические искания. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.

³ Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой: Художественно-этические искания. Л., 1981.

⁴ Галаган Г. Я. 1) Л. Н. Толстой // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. С. 797–851; 2) Поздний Толстой // Там же. Т. 4. С. 269–284.

⁵ См.: Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой. С. 841–846; ср.: Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой: Художественно-этические искания. С. 126 и след.

⁶ Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой. С. 797.

⁷ Там же. С. 798.

⁸ См.: Там же. С. 831.

⁹ Галаган Г. Я. Путь Толстого к «Исповеди» // Русская литература. 1978. № 3. С. 23–42; то же в сб.: Л. Н. Толстой и русская литературно-общественная мысль. Л., 1979. С. 192–217. Ср. также: Галаган Г. Я. «Исповедь» Л. Н. Толстого: концепция жизнепониманий // Толстой и о Толстом. М., 2009. Вып. 3. С. 208–217.

¹⁰ Толстой Л. Н. Исповедь. В чём моя вера? / Подгот. текста и коммент. Г. Галаган; вступ. ст. А. Меня; послесл. А. Панченко. Л., 1991.

¹¹ Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой: Философско-исторические основы единения людей // Донсков А. А., Галаган Г. Я., Громова Л. Д. Единение людей в творчестве Л. Н. Толстого: Фрагменты рукописей. [М.; СПб.; Оттава], 2002. (Tolstoy Series; № 5) С. 68–88.

¹² См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории: 1905–2005. СПб., 2005. С. 421–422.

¹³ «Кончина и похороны Ф. М. Достоевского. (В письмах Е. А. и М. А. Рыкачёвых)» (Т. 1. Л., 1974); «“Одно лицо” и его “полписьма”» (Т. 3. Л., 1978); «Проблема “лучших людей” в наследии Ф. М. Достоевского (1873–1876)» (Т. 12. СПб., 1996); «Мечта парадоксалиста (1876 год)» (Т. 14. СПб., 1997); «Сад Фёдора Павловича Карамазова» (Т. 15. СПб., 2000); «“Царство” раздора и слуга Павел Смердяков» (Т. 16. СПб., 2001).

¹⁴ Только разбирая её библиотеку и архив, я обнаружила подготовленное ею в 1970 г. «Избранное» Н. Ф. Щербины (Щербина Н. Ф. Избранные произведения / Вступ. ст. И. Д. Гликмана; сост., подгот. текста и примеч. Г. Я. Галаган. Л., 1970. (Б-ка поэта. Большая сер.)). Об этой исключительно трудоёмкой и времяёмкой работе я от неё никогда не слышала.

¹⁵ Седакова О. А. Весть Льва Толстого // Бибихин В. В. Дневники Льва Толстого. СПб., 2012. С. 19.

¹⁶ Галаган Г. Я. У истоков творчества Л. Толстого. С. 17.

¹⁷ Ср.: «Лев Толстой живёт откровениями» (Бибихин В. В. Дневники Льва Толстого. С. 61).

¹⁸ Там же. С. 29. Признавая «уникальную зоркость» толстовского внешнего и внутреннего зрения, учёный отмечает, что его нарратив рассчитан на то *понимание*, которое не есть *объяснение*: «Правда, истина в смысле полноты действительного бытия открыта только пониманию. Метод к ней не только не ведёт, но захлопывает путь» (Там же. С. 141).

Лев Толстой и мировая литература

Материалы X Международной
научной конференции

Музей-усадьба Л. Н. Толстого
«Ясная Поляна»

2018